

**Внеочередная
двенадцатая сессия
Верховного
Совета СССР
завершила работу**

**СЕГОДНЯ
В
НОМЕРЕ**

ЭКРАН

«НЕВЕРОЯТНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ МЦИСА
В РОССИИ» —
рассказ кинорежиссера
Сергея Соловьева о том,
как один человек
смог заморозить умы
десятков людей и
пустить по ветру достки
тысяч государственных
денег

3-4
страницы

В ПОЛЬШЕ НАЧАЛИСЬ ДНИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.
ЧЕСТЬ ПРЕДСТАВИТЬ НАШУ СТРАНУ В ЭТОМ ГОДУ
ПРЕДСТАВЛЕНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

6 страница

«Беседы о русской культуре» — так называется
телевизионный цикл. Сегодня газета
рассказывает об авторе передач, известном
ученом из Тарту Юрии Лотмане.

7 страница

НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ: ПОРТРЕТ И АВТОПОРТРЕТ. Под
этой рубрикой мы будем анализировать явления
и процессы, возникающие в ходе перестройки.
Сегодня разговор идет о кооператорах.

8 страница

СЦЕНА

«УЧИТЕЛЬ» —
отрывок из книги народного
артиста СССР Р. Платта,
о его наставнике,
замечательном мастере
советского театра
Ю. Завадском.

9-10
страницы

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Суббота, 3 декабря 1988 г. № 145 (6557)

ЦЕНА 10 КОП.

Газета Центрального Комитета КПСС

По пути обновления политической системы

В течение трех дней депутаты высшего органа государственной власти активно, принципиально, не обходя острых проблем, обсуждали путь развития страны, советского общества, углубления социалистической демократии, реформы политической системы.

Всесторонне рассмотрены законопроекты, которые обстановке широкой гласности обсудили миллионы граждан СССР. От имени и во воле избирателей депутаты внесли в них необходимые поправки и дополнения, после чего документы были приняты, стали Законами СССР. Их назначение — обеспечить новый шаг по пути перестройки, направленный на создание социалистического правового государства, воплощенные в практику решений XIX партийной конференции.

1 декабря в Большом Кремлевском дворце продолжала работу внеочередная двенадцатая сессия Верховного Совета СССР, собравшаяся для решения вопросов, имеющих судьбоносное значение для советских людей, завершает свою работу. Принятие проектов Законов открыл зеленый свет радикальным преобразованиям политической системы, которые были определены решениями XIX партийной конференции, в которых ведутся наша страна.

(Окончание на 2-4 стр.).

● В зале заседаний сессии.

Фото В. Киселева и Е. Халдея.

Заключительное слово М. С. ГОРБАЧЕВА

Товарищи депутаты! Внеочередная двенадцатая сессия Верховного Совета СССР, собравшаяся для решения вопросов, имеющих судьбоносное значение для советских людей, завершает свою работу. Принятие проектов Законов открыл зеленый свет радикальным преобразованиям политической системы, которые были определены решениями XIX партийной конференции, в которых ведутся наша страна.

Состоявшееся в Верховном Совете СССР обсуждение законопроектов — это крупный и важный политический разговор, такого мы давно не слышали на сессиях высшего органа власти страны.

Завершая всенародную дискуссию об изменения Конституции и новой избирательной системе, депутаты, наряду с конкретными замечаниями, ясно выразили свое отношение к самой идее политической реформы, и путем ее осуществления на практике. И общий итог работы сессии в этом смысле однозначен: реформа нацерала и надо безотлагательно проводить ее в жизнь.

Очень важно, что наше обсуждение вышло на гораздо более широкий заинтересованный разговор — о судьбах перестройки, о перспективах преобразований, осуществляемых в экономике и других сферах общественной жизни. Сообщения, которые высказывались в этой связи, стояли хорошо задуманы для развертывания работы организованных на новой основе высших органов власти.

Многое полезного найдут в высказываниях депутатов партийных органов, наши общественные организации, руководящие кадры. Мне хотелось бы, выступая с этой трибуны, призвать их вниманию к тому, что проявлялось в высказываниях депутатов. В них много пиши для размышления о том, как нам нужно вести дело на нынешнем этапе перестройки.

Только в русле перестройки, только на ее путях может быть найдено решение главных проблем, стоящих перед нашим обществом, перед всеми народами, проживающими нашей великой страной. Это, товарищи, очень важный вывод, политическая констатация, которая выстраивается нами за три прошедших года. И она подтверждена здесь общим мнением депутатов Верховного Совета.

Наконец, третью тему стало совершенствование межнациональных отношений, разграничение полномочий Союза и республик. Это хорошо и полезно уже потому, что Верховный Совет СССР, а с ним и вся страна

могут четко сформулировать свою позицию по жизненно важным вопросам, взвесить доводы наших товарищеских, представляющих высшие органы власти союзных автономных республик, других национальных образований. Несколько не стремясь слагать или свести к общему знаменателю различные точки зрения, которые проявляются в различных парламентах с этой трибуны, хочется подчеркнуть главное — выступавшие были едины в том, что интересам всех народов отвечает девиз: «Прочный союз — это сильный центр и сильные республики». (Аплодисменты). Причем, Союз в нашем понимании — это все республики вместе взятые, иными словами, их совместный интерес и коллективная воля, с которой не может не считаться ни один член нашей Федерации.

Если мы с вами привнесли нашум выбору, который сделали в Октябре, если мы хотим продолжать начатое тогда дело, обновлять нашу страну на принципах социализма, если мы за дружбу народов, основанную на ленинских принципах, за перестройку — то договоримся по всем вопросам и решим их. Это самое главное. Ну а если кто придерживается других позиций, тогда трудно рассчитывать, что он будет заботиться о нашем Союзе, о гармонизации отношений между центром и республиками, о том, чтобы в нашей стране всем народам и народностям в каждом человеке любой национальности, где бы он ни жил, жилось хорошо. Таких мы должны поставить на место. (Аплодисменты).

Думаю, товарищи, будет правильно сказать, что с этой сессии мы выйдем с окрепшим убеждением в том, что надо не жалеть усилий, чтобы в нашем общем доме — Союзе Советских Социалистических Республик все нации и народности чувствовали себя хорошо, имели возможность свободно развивать свои советские национальные традиции, языки, культуру, укрепляли сотрудничество между собой в тех сферах жизни, берегли и множили ленинское наследие интернационализма.

Все народы нашей страны должны быть уверены в том, что в Союзе ССР вопиющим образом решаются эти вопросы на Пленуме ЦК в начале будущего года, да и на подходах к нему — ведь есть много проблем, которые должны решаться уже завтра, в последующие дни и месяцы — а затем закрепить их в рамках вновь созданных государственных структур.

У нас только что состоялся Президиум Верховного Совета СССР, а с ним и вся страна

вот СССР. Эта тема там тоже обсуждалась в открытом виде и с горячей занятостью. Я сказал товарищам, что мы в центре, и в республиках должны основываться на подозрении друг о друге. В дискуссиях, встречах с товарищами, представителями республик чувствуется, что такие взаимные подозрения есть. В республиках думают о каких-то «годах Кремля» по отношению к нам, а в центре нередко воспринимают постановку вопросов с их стороны как нечто недоподдающее. От этого надо избавляться, товарищи.

Если мы с вами привнесли нашум выбору, который сделали в Октябре, если мы хотим продолжать начатое тогда дело, обновлять нашу страну на принципах социализма, если мы за дружбу народов, основанную на ленинских принципах, за перестройку — то договоримся по всем вопросам и решим их. Это самое главное. Ну а если кто придерживается других позиций, тогда трудно рассчитывать, что он будет заботиться о нашем Союзе, о гармонизации отношений между центром и республиками, о том, чтобы в нашей стране всем народам и народностям в каждом человеке любой национальности, где бы он ни жил, жилось хорошо. Таких мы должны поставить на место. (Аплодисменты).

Значит, над центром довела старая привычка: ничего, все и так пройдет. Поэтому я повторяю: все мы проходим сейчас большую школу, и надо, чтобы все в ней оказались успевающими.

Надо иметь в виду и то, что мы создаем новый, очень авторитетный представительный орган власти, который будет отражать все национальные, территориальные и социальные интересы общества, все плюрализмы, взгляды, потребности. И вполне естественно, что такой орган — Съезд народных депутатов СССР — и избранный им постоянно действующий Верховный Совет смогут при необходимости уточнить, оптимизировать предлагаемый сегодня государственный механизм.

Принятие Законов об изменении Конституции и выборах народных депутатов открывает новую полосу в развитии советской государственности на основе демократизации и самоуправления народа. В них закладывается много новаций. Это необходимо, поскольку сама перестройка — время нестандартных, непривычных решений, время поиска ломки вчерашних догм. Это все мы должны хорошо понимать, товарищи. В этом, видимо, и секрет того, что новые моменты проектов — такие, как Съезды народных депутатов, представительство общественных организаций, на выборах и ряд других — не сразу были поддержаны. Такова логика жизни, таков удел нового.

Чего греха тант, мы получили в центре хороший урок. Думай, и вы все его получили — из всего того, что перенесли при обсуждении вопросов первого этапа реформы. Знаете, без этого не обойтись. Будем получать, наверное, шинши и в других вопросах. Но важно оставаться на принципах.

Вместе с тем мы уверены, что эти решения нужны. Нужны потому, что расковывают энергию и инициативу людей, позволяют каждому сказать свое слово в политической жизни, властям государства лучше аккумулировать и выражать интересы народа.

Конечно, все детали, все конкретности политической реформы предвидеть сейчас трудно. И вчера, и позавчера депутаты правильно говорили, что вряд ли мы с первым заходом выйдем на идеальные, абсолютно совершенные во всех отношениях документы. В таком переходном периоде, каким является перестройка, еще и еще раз приходит на ум слова Владимира Ильина Леонина о том, что мы никогда «не рассматривали наше наименование как приемлемое и даже необходимо для Верховного Совета формулы, если бы при подготовке документов все было бы по-настоящему продумано. Это, с одной стороны. С другой же, многое из того, что воспринимается сегодня как приемлемое и даже необходимо для продвижения процесса демократизации в стране, на первом этапе вызывает опасения. Почему? Потому что мы из них стороны не удосужились это показать».

Судить об итогах работы Верховного Совета — дело трудящихся, да и жизни сама оценит то, что сделано этим составом депутатов. Оценки, как вы здесь слышали, были неоднозначные. Откровенно скажу, некоторые высказывания по адресу этого Верховного Совета и депутатов были, думаю, не совсем корректными и даже задевали лично меня как депутата.

Почему? Потому что можно со всей определенностью сказать: на долю Верховного Совета именно этого созыва появляется великая ответственность принятия решений, связанных с вступлением нашей страны на путь революционной перестройки, обновления общества. И Центральный Комитет партии высоко ценит то, что депутаты активно поддерживают курс XXVII съезда, многие сделали для того, чтобы перевести его в плоскость практической политики. Это — великое дело. (Аплодисменты).

Достаточно напомнить такие фундаментальные наши решения, как Закон о государственном социалистическом предприятии, который дает мощный импульс политической реформе. Этими важными вехами будет определяться значение сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва в истории нашей страны.

Позвольте мне выразить твердую уверенность, дорогие товарищи, что вы будете продолжать активно участвовать в политической жизни, бороться за осуществление задач перестройки, за выполнение тех важнейших решений, которые мы принимали до сих пор и примем на этой сессии. (Аплодисменты).

Перед участниками встречи выступил первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Р. А. Х. Бэзиров, первый секретарь ЦК Компартии Армении С. Г. Арутюнян, народный артист СССР К. А. Абасов, главный технолог Канакерского алюминиевого завода Л. А. Симонян, бригадир Наджарянского медно-молибденового комбината П. М. Давтян, директор сельхозкооперации Мардакертского района НКАО С. В. Мамунц, другие депутаты.

Встреча в ЦК КПСС

1 декабря в ЦК КПСС состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева с депутатами Верховного Совета СССР, представителями Азербайджанской ССР и Армянской ССР. В ней приняли участие товарищи Рымков Н. Н., Слоньев Н. Н., Чебриков В. М., Яковлев А. Н., Лукьянов А. И., Разумовский Ю. П. и другие.

В ходе откровенного обмена мнениями обсуждены некоторые вопросы стабилизации обстановки в регионе, меры по снижению и устранению напряженности, укреплению взаимного доверия, дисциплины и правопорядка в указанных союзных республиках. Подчеркивалось, что межнациональные конфликты, забастовки на этой почве, антиобщественные прорвалия насилию против демократических процессов обновления, развернувшихся в стране.

Участники встречи призвали и консолидации всех народов в обеих республиках, организации решительного отпора попыткам сорвать розы и вражду на национальной почве, и немедленному установлению теплых рабочих контактов по урегулированию положения в регионе.

На встрече выступил первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Р. А. Х. Бэзиров, первый секретарь ЦК Компартии Армении С. Г. Арутюнян, народный артист СССР К. А. Абасов, главный технолог Канакерского алюминиевого завода Л. А. Симонян, бригадир Наджарянского медно-молибденового комбината П. М. Давтян, директор сельхозкооперации Мардакертского района НКАО С. В. Мамунц, другие депутаты.

Перед участниками встречи выступил М. С. Горбачев.

Отчет о встрече будет опубликован в печати. (ТАСС).

НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЫ

Если точно, то заметки эти родились тогда, когда я метался между тремя залами Дома кинематографистов, где проходила работа учредительного съезда Всесоюзного общества друзей кино. А еще точнее, трех входящих в него разноправных и самостоятельных организаций: Федерации непрофессиональных кинематографистов (или, как называли ее И. О. первого секретаря правления Союза кинематографистов СССР А. Смирнова, «непрофессиональных профессиоников»), Федерации киноклубов и Ассоциации деятелей кинообразования.

Впрочем, конечно, не в назывании дело. Главное, что наконец-то миллионы любителей кино (их представляли на съезде свыше 700 делегатов из всех союзных республик) обрели статус общественной организации. Выработали и пришли свой устав, избрали правление ОДК СССР в составе 45 человек, которому и поручили сформировать консультативный совет из представителей организаций-учредителей (изреди них Госкино СССР, Союз кинематографистов СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Госкомитет СССР по народному образованию). Председателем Федерации киноклубов избран инженер Н. Грачевников, президентом Ассоциации деятелей кинообразования — доктор искусствоведения И. Вайсфельд, а председателем — преподаватель московской школы Р. Гузман, президентом Федерации непрофессиональных кинематографистов стал глава Общества кинолюбителей Латвии Р. Йостсон. Он же принял на себя обязанности главы совета председателей, во только на год.

Основные задачи ОДК сформулированы в решении съезда: рождались в момент радикальной перестройки всего кинопроцесса, ОДК СССР представлял торжественным союзом зрителей нового типа. Учтывая, что современный кинематограф обращен в основном и молодежи и находится в сфере ее непосредственных интересов, общество считает необходимым вместе с ЦК ВЛКСМ, Госкомитетом по народному образованию, Госкино СССР и ВЦСПС разработать и реализовать ряд всесоюзных программ, направленных на лояльное формирование эмоциональной и нравственной культуры у подрастающего поколения средствами кино. Съезд выразил надежду, что создание ОДК СССР приведет к раскрепощению творческого потенциала кинолюбителей, преодолению ведомственности и обиориентации, повышению художественного, социального и технического уровня любительских фильмов, будет способствовать введению в школах и вузах страны гибкой, многогранной системы образования и воспитания средствами кино и видеа.

Это сейчас все решения и резолюции, принятые съездом, кажутся написанными спонтанно и сразу набело где-нибудь за столом редакционной комиссии. А тогда в эти три бурных для

С. ПЕТРОВ,

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБИТЕЛИ

Заметки, навеянные фильмом «Вам что, наша власть не нравится?!

О, этот голос: «Закрыто! Закрыто! Закрыто!» еще долго звонил у меня в ушах, а сын, с которым мы заглянули на почту, чтобы узнать, почему не прислали «Огонек», тот просто вздрогнул и прижался ко мне, испуганно глядя на рычащую «тетю». А ведь я еще рта не раскрыла, а она, судя по всему, была не из самых больших почтовых начальников... Или, может быть, именно поэтому? Господи, да откуда же знать, чем меньше начальники — тем больше и неистовее в них желание указать всем нам, «простите смертвым», наше место. И сколько же еще сегодня, а не только в годы застоя, на которые можно стало ссыпаться сейчас, униженных и оскорбленных! И как же часто так трудно, оказывается, получить причитающиеся нам по закону каких-нибудь полтора квадратных метра, насыщающих и еще труднее, как ни страшно это звучит, те же метры на кладбище...

А ведь я так искренне, так от души смеялся, когда началась фильм «Вам что, наша власть не нравится?», снятый на «Мосфильме» режиссером А. Бобровским по повести-шутке Б. Можаева «Полторы квадратных метра». Как смеялись в свое время читатели или немноготиражные частичники-театралы, которым удалось увидеть спектакль Театра на Таганке. И как будет — уверен в этом — смеяться и вы, будущие его кинозрители. А чего же не посмеяться и над выиграным родного края зубным техником Павлом Семеновичем Полубоинским, мечтающим то возродить местные торфоразработки, то возвести мост через небольшую речушку. И над его юношеской и добром широм районного масштаба двинулом Чижевским, привычно нарышающим оно, а потом и в кровлю местной Мессалины «забалаканского» возраста Елены Александровны и столь же привычно выплетающим оттуда в обратном порядке, когда его «застукивает» на месте преступления горластая женщина — продавщица Зинка. И над всем их таким знакомым коммунальным бытом маленькою провинциального городка, который нестся краем на огромных российских просторах. И вообще над всем этим сырьем, разгоревшимся из-за переноса двери Полубоиновых на азлосточные полтора метра, чтобы не было «пушдышим» домой Чижевского оставил на земле. И, нахрен, почему бы не посмеяться и над местными властями — участковым уполномоченным Парфеновым и пожарным инспектором Стениным, устроившим рыбаку во времена диктатуры, председателем райисполкома Павловским и редактором районной газеты Федулевым, решившим открыть охотничий сезон колхозными утками. Тем более что эта «дверная звонка» отмечена сочными народными юмором, густо насыщенными жизнью, легкоизнаваемыми героями, которых писатель знает отлично не пылающими, и насыщенными великолепными актерскими работами А. Петрова (Полубоинов), М. Полищуково (Марья Ивановна), В. Стеклова (Чижевский), Л. Полухиной (Зинка), Л. Борисовой (Стенин), В. Невинного (Федулев), В. Павлова (Парфенов).

И мы смеемся. Смеемся до тех пор, пока на экране «райбальтические» не объединятся в едином порыве против правдоискателя Полубоинова, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права. И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе Салтыкова-Щедрина (недаром в областном центре, куда бросился за помощью на генерал, осмелившегося искать на них управу, а точнее, пощатавшегося защитить свое человеческое достоинство, свои гражданские права). И вот тут-то начинается забавная комедия про виноватых и нравистов, и начинается азия сатиры в духе С

ПО ПУТИ ОБНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

(Окончание. Начало на 1-й, 2-й стр.).

Выступление А. И. ВОЛЬСКОГО

Уважаемые товарищи! В связи с запросом группы депутатов от Армянской ССР о положении в Нагорном Карабахе и вокруг него мне как представителю ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР в НКАО поручено проинформировать следующем.

Прежде всего о положении в самой Нагорно-Карабахской автономной области.

За четыре месяца нашего пребывания непосредственно на месте, как представляется, удалось разобраться во многих проблемах. Понять их сложность, обилье, переплетение. Их исторические предыстории. Отличительность ими настоящего. Необходимость с учетом всего этого строить работу на будущее.

Должен отметить, что экономика этого региона оказалась в крайне запущенном состоянии, особенно в социальном плане, в части удовлетворения первоочередных нужд людей в жилье, воде и энергоснабжении, медицинском и продовольственном обеспечении. И нет проценции тех лицам, которые довели до такого состояния этот горный край, где живут добрые и трудолюбивые люди.

Сейчас сделаны первые шаги по выполнению принятых ЦК КПСС и Советом Министров СССР постановлений по Нагорному Карабаху. Это помогло сдвинуть с мертвых точек некоторые запущенные дела в его социально-экономическом развитии, стали преодолеваться отсталость и искусственное отчуждение армянской части населения от Армении в сфере языка, культуры и образования.

Теперь о ситуации в Азербайджане и Армении. Скажу прямо: в последний период она приобрела отрывистый угрожающий характер. Почему? Первопричина, конечно, не только в проблемах Нагорного Карабаха.

Советское искусство понесло невосполнимую утрату.

На 73-м году жизни скончался выдающийся художник, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской, Государственных — премий СССР и РСФСР, народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР Евсей Евсеевич Моисеенко.

Советское искусство понесло невосполнимую утрату. На 73-м году жизни скончался выдающийся художник, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской, Государственных — премий СССР и РСФСР, народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР Евсей Евсеевич Моисеенко.

Е. Е. Моисеенко родился в 1916 году в Белоруссии, в селе Узаровичи близ Гомеля, в крестьянской семье. Художественное образование получил в Ленинграде. Участник Великой Отечественной войны.

Художник самобытного дарования, яркого творческого темперамента, он обогатил отечественное искусство произведениями большого общественного значения, утверждавшими высокие нравственные идеалы человека социалистического общества.

Заслуги Е. Е. Моисеенко высоко оценены Коммунистической партией и Советским государством. Наряду с высокими почетными званиями он был удостоен орденов Ленина, Грудового Красного Знамени, Дружбы народов и медалей.

Светлый образ замечательного художника-драмщика, человека беспокойной души Евсей Евсеевич Моисеенко навсегда сохранится в памяти советских людей.

Е. Е. Моисеенко родился в 1916 году в Белоруссии, в селе Узаровичи близ Гомеля, в крестьянской семье. Художественное образование получил в Ленинграде. Участник Великой Отечественной войны.

Художник самобытного дарования, яркого творческого темперамента, он обогатил отечественное искусство произведениями большого общественного значения, утверждавшими высокие нравственные идеалы человека социалистического общества.

Гроб с телом покойного был установлен в конференц-зале Академии художеств.

Похороны Е. Е. Моисеенко состоялись на Литовской кладбище.

(ТАСС)

Истоки нынешнего кризиса коротко прежде всего в губительных извращениях национальной политики, которая осуществлялась прежним руководством республики. Сегодня друг против друга по сути дела стоит поколения, многие представители которых слова о дружбе двух народов начали воспринимать чуть ли не как лицемерие. И в этом корне всего драматизма обстановки.

Последние события особенно наглядно показали, что в руках разного рода кланов в Азербайджане и Армении по-прежнему остаются многие рычаги власти.

Воспитанные и расставленные некогда младшие кадры до сих пор продолжают влиять на общую атмосферу, заключенную в рамках республиканских органов, обсуждаются на правоохранительные органы. Разгромлены некоторые административные здания, городские милиции. Многие предприятия не работают.

Как вы знаете, недавно в г. Баку и ряде других городов и районов Азербайджана, а также в Ереване было введено особых положение и установлен комендантский час, что в первую очередь позволило защищать жизнь людей.

Когда нарушаются закон, когда льется кровь, государство не может оставаться в стороне.

Некоторые партийные комитеты, исполнкомы Советов народных депутатов в обеих республиках падали с властя, чтобы в самом начале присесть на стул. Наоборот, кто-то поощрял действия, которые носили открыто вызывающий характер.

В обеих республиках мы видим возрождение роли злободушных коррупционеров, лиц типа арестованного на днях в Нагорном Карабахе за многочисленные взятки Манучарова. А некоим партийным и советским органам, к сожалению, защищают с ними, кое-где уступают инициативу, слабуют принципиальные позиции.

Поэтому есть все основания сказать, что очистительный процесс неизменно должен быть дан более сильный импульс.

Если проанализировать с этой позиции выступления некоторых партийных и хозяйственных руководителей, учёных и деятелей культуры в обеих республиках по телевидению в печати, то в них нет практических шагов на встречу друг другу, нет согласованных действий. Да и желания к этому, очевидно, большого тоже нет. Такую позицию нельзя определить иначе как взаимный бойкот, выдающийся национальными идеями.

Если проанализировать с этой позиции выступления некоторых партийных и хозяйственных руководителей, учёных и деятелей культуры в обеих республиках по телевидению в печати, то в них нет практических шагов на встречу друг другу, нет согласованных действий. Да и желания к этому, очевидно, большого тоже нет. Такую позицию нельзя определить иначе как взаимный бойкот, выдающийся национальными идеями.

Перед выездом на сессию мы смотрели телепередачу, по сути дела, антиармянского митинга, состоявшегося в последние дни в Баку. Сказали же что произошло таинственное впечатление.

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно может быть?

Изображение было ярким, но не было ясно, что оно

ЭСТЕТИКА ДЛЯ ВСЕХ

КРИТИК: В ПОИСКАХ ПОЗИЦИИ

В ИСКУССТВОЗНАНИИ сложилась довольно тревожная ситуация. И речь даже не о фундаментальных исследованиях, где были и есть интересные, серьезные работы, сколько о «текущей» критике. Перед ней, как, собственно, и перед современным зрителем, в прямом смысле открылись новые миры. Тут и возвращение авангарда разных сроков давности, и бурный всплеск «молодежного» искусства, и оживленные художественные контакты с Западом...

Чтобы не «утонуть» в этом новом, небывалом, неожиданном, критику совершенно необходимо понять смысл и задачи своей деятельности в сегодняшней культурной ситуации, обрести некую исходную мировоззренческую установку-позицию. Что же, разве у современных критиков позиции нет? Отчего же нет? Есть, и в духе нынешнего плюрализма — разнообразные. Я бы, пожалуй, выделил три наиболее характерные «критические» позиции, каждая из которых, на мой взгляд, страдает определенной односторонностью.

Первый тип критика можно условно назвать «оценщиками». Его перву обычно принадлежат рецензии и творческие портреты (по не развернутые проблемные статьи), как правило, в специализированных журналах. Отправляясь сегодня в издание и почти всегда сталкиваясь с критическим откликом на то или иное художественное явление. Беда только в том, что все эти суждения, мнения, оценки довольно часто основаны на каких-то склонностях и привычках критиков, не исходит из «большой» авторской идеи развития современного искусства, из общего взгляда на культуру и художественный процесс.

Когда, положим, И. Подшивалов в газетной редакции на XVIII Молодежную («Московский комсомолец» от 19 октября 1988) начинает говорить из молодых художников хвалить (что редко) или ругать (что чаще), то ему как-то не очень веришь ни в первом, ни во втором случае, потому что совершенно не ясны общие художественные принципы, на основании которых дается оценка.

Вернее, один принцип ясен, но он представляется мне довольно сомнительным: автор исходит из «презумции виновности» молодых авторов-авангардистов, подозревая их всех в концептуальном желании «обмануть» зрителя (можно подумать, что авангардизм пользуется повышенным зрительским спросом). Но критика не обманешь. Он лихо раздает щелчки и призы, попутно бросая афористические фразы типа «живопись — это не философия», не утруждая себя дальнейшими разъяснениями своих взглядов на сей, кстати, не столь простой, предмет.

«Таков уж жанр газетной статьи! — возразят мне.

Жанр жанром, да уж очень безответственныывают подобные выступления, а если учсть, что их в периодике набирается довольно много... Бедный читатель (он же потенциальный зритель) вправе растеряться и совсем потерять голову — и тот молодой художник плох (или хороши), и тот, а еще хуже... Но по сравнению с чем плох (или хороши)? На-

ном художественном контексте? В какой системе ценностей?

И вот тут на помощь приходит критик философского плана, который пытается осмысливать мозаику современного искусства с позиций «большого» времени, в контексте гуманистической культуры. Но и в этом случае, как мне представляется, есть некоторое основания для беспокойства, так как «философский» взгляд подчас игнорирует реальность художественного процесса, живую органику искусства с его взлетами падениями, с многообразием путей художественного поиска.

Видимо, обречена на вечное существование тенденция «закрытия» современного искусства, когда философствующий критик громогласно провозглашает, что все лучше, гуманистическое, творческое в искусстве позади, а нам остались, вам остались... Ну да, только констатировать печальную ситуацию его упадка.

Философ Арсений Гульян, анализируя выставку постмодернизма «Документа», увиденную в ФГРГ («Искусство», 1988, № 8), исходит из вполне определенных общих художественных критериев: фантазии, красоты, художественности, отличающей искусство от некультурных (и с этим критиками, я, например, вполне могу согласиться), но удаляет «глобальный» вывод, сделанный автором в конце статьи: «Модернизм вел искусство к самонистреблению, теперь оно свершилось».

Я только не могу понять, при чем тут модернизм в целом и почему все авангардистское искусство XX века должно отвечать за экспериментальную свою характеристику и путь даже неудачную экспозицию одной выставки?

Разве тезис о «самонистребительной» сущности модернизма уже доказан?

Разве все мы не только-только начали знакомиться с искусством западного и отечественного авангарда, вглядываясь в выставках в произведения М. Шагала и Ф. Бэкона, С. Даля и А. Лентурова, А. Тышлера и П. Филонова?

Теперь формула «Я этих художников не видел, но должен сказать...» не подойдет. Мы видели (пусть еще далеко не все!), и хочется об этом увиденном поразмыслить, определить плодотворные тенденции, развивающиеся и ныне, ощутить новый ракурс в подходе к человеческой личности, возможно, обнаружить опасности, провалы, рифмы, подстерегающие искусство на сложном его пути. Простое же «закрытие» модернизма и постмодернизма на фоне только что открывшихся нам вершин фантазии, красоты, художественности классиков авангарда представляется (да прости меня уважаемый философ) чисто вроде интеллектуального эпилога.

Однако не кажется мне конструктивной и позиция тотального, если так можно выражаться, приятия всего, что отходит от канонов «строгого» реализма. В этом случае критик отвлекается от проблемы художественного выбора и оценки произведения.

У критиков, поддерживающих современное авангардное искусство, доминирует объясни-

¹ А. Гульян. Самонистребление искусства. «Искусство», 1988, № 8, с. 49.

тельный-информационный подход, призванный дать представление профанам и неофитам о «языке» новых художественных течений, снабдить зрителя теми или иными сведениями о художниках и их произведениях. Характерно, что остро «оценочными» выступлением Гульяна в том же номере «Искусства» противостояла искусствоведческая статья Г. Онуфриенко чисто информативного характера, в которой был дан обзор зарубежной печати о выставке «Документ». Борьбы мнений так и не возникло вследствие того, что мнение было высказано лишь одной стороной, другая же предпочла уйти от собственных оценок. И это, видимо, не случайно, а позиция, причем достаточно распространенная.

Разговор о новом художественном «языке» подчас становится чем-то самодостаточным и самоцельным. Проявление уподобляется интеллектуальному же разгадыванию. И вот «ключом» к такой разгадке становится словесный комментарий. Со своеобразной «народной этимологией» подобного способа общения с искусством можно было столкнуться на недавних московских выставках. Там пропадали следимые особенности, отличающей искусство от некультурных (и с этим критиками, я, например, вполне могу согласиться), но удаляют «глобальный» вывод, сделанный автором в конце статьи: «Модернизм вел искусство к самонистреблению, теперь оно свершилось».

Разве я могу понять, при чем тут модернизм в целом и почему все авангардистское искусство XX века должно отвечать за экспериментальную свою характеристику и путь даже неудачную экспозицию одной выставки?

Разве тезис о «самонистребительной» сущности модернизма уже доказан?

Разве все мы не только-только начали знакомиться с искусством западного и отечественного авангарда, вглядываясь в выставках в произведения М. Шагала и Ф. Бэкона, С. Даля и А. Лентурова, А. Тышлера и П. Филонова?

Теперь формула «Я этих художников не видел, но должен сказать...» не подойдет. Мы видели (пусть еще далеко не все!), и хочется об этом увиденном поразмыслить, определить плодотворные тенденции, развивающиеся и ныне, ощутить новый ракурс в подходе к человеческой личности, возможно, обнаружить опасности, провалы, рифмы, подстерегающие искусство на сложном его пути. Простое же «закрытие» модернизма и постмодернизма на фоне только что открывшихся нам вершин фантазии, красоты, художественности классиков авангарда представляется (да прости меня уважаемый философ) чисто вроде интеллектуального эпилога.

Однако не кажется мне конструктивной и позиция тотального, если так можно выражаться, приятия всего, что отходит от канонов «строгого» реализма. В этом случае критик отвлекается от проблемы художественного выбора и оценки произведения.

У критиков, поддерживающих современное авангардное искусство, доминирует объясни-

тельный-информационный подход, призванный дать представление профанам и неофитам о «языке» новых художественных течений, снабдить зрителя теми или иными сведениями о художниках и их произведениях. Характерно, что остро «оценочными» выступлением Гульяна в том же номере «Искусства» противостояла искусствоведческая статья Г. Онуфриенко чисто информативного характера, в которой был дан обзор зарубежной печати о выставке «Документ». Борьбы мнений так и не возникло вследствие того, что мнение было высказано лишь одной стороной, другая же предпочла уйти от собственных оценок. И это, видимо, не случайно, а позиция, причем достаточно распространенная.

Разговор о новом художественном «языке» подчас становится чем-то самодостаточным и самоцельным. Проявление уподобляется интеллектуальному же разгадыванию. И вот «ключом» к такой разгадке становится словесный комментарий. Со своеобразной «народной этимологией» подобного способа общения с искусством можно было столкнуться на недавних московских выставках. Там пропадали следимые особенности, отличающей искусство от некультурных (и с этим критиками, я, например, вполне могу согласиться), но удаляют «глобальный» вывод, сделанный автором в конце статьи: «Модернизм вел искусство к самонистреблению, теперь оно свершилось».

Разве я могу понять, при чем тут модернизм в целом и почему все авангардистское искусство XX века должно отвечать за экспериментальную свою характеристику и путь даже неудачную экспозицию одной выставки?

Разве тезис о «самонистребительной» сущности модернизма уже доказан?

Разве все мы не только-только начали знакомиться с искусством западного и отечественного авангарда, вглядываясь в выставках в произведения М. Шагала и Ф. Бэкона, С. Даля и А. Лентурова, А. Тышлера и П. Филонова?

Теперь формула «Я этих художников не видел, но должен сказать...» не подойдет. Мы видели (пусть еще далеко не все!), и хочется об этом увиденном поразмыслить, определить плодотворные тенденции, развивающиеся и ныне, ощутить новый ракурс в подходе к человеческой личности, возможно, обнаружить опасности, провалы, рифмы, подстерегающие искусство на сложном его пути. Простое же «закрытие» модернизма и постмодернизма на фоне только что открывшихся нам вершин фантазии, красоты, художественности классиков авангарда представляется (да прости меня уважаемый философ) чисто вроде интеллектуального эпилога.

Однако не кажется мне конструктивной и позиция тотального, если так можно выражаться, приятия всего, что отходит от канонов «строгого» реализма. В этом случае критик отвлекается от проблемы художественного выбора и оценки произведения.

У критиков, поддерживающих современное авангардное искусство, доминирует объясни-

тельный-информационный подход, призванный дать представление профанам и неофитам о «языке» новых художественных течений, снабдить зрителя теми или иными сведениями о художниках и их произведениях. Характерно, что остро «оценочными» выступлением Гульяна в том же номере «Искусства» противостояла искусствоведческая статья Г. Онуфриенко чисто информативного характера, в которой был дан обзор зарубежной печати о выставке «Документ». Борьбы мнений так и не возникло вследствие того, что мнение было высказано лишь одной стороной, другая же предпочла уйти от собственных оценок. И это, видимо, не случайно, а позиция, причем достаточно распространенная.

Разговор о новом художественном «языке» подчас становится чем-то самодостаточным и самоцельным. Проявление уподобляется интеллектуальному же разгадыванию. И вот «ключом» к такой разгадке становится словесный комментарий. Со своеобразной «народной этимологией» подобного способа общения с искусством можно было столкнуться на недавних московских выставках. Там пропадали следимые особенности, отличающей искусство от некультурных (и с этим критиками, я, например, вполне могу согласиться), но удаляют «глобальный» вывод, сделанный автором в конце статьи: «Модернизм вел искусство к самонистреблению, теперь оно свершилось».

Разве я могу понять, при чем тут модернизм в целом и почему все авангардистское искусство XX века должно отвечать за экспериментальную свою характеристику и путь даже неудачную экспозицию одной выставки?

Разве тезис о «самонистребительной» сущности модернизма уже доказан?

Разве все мы не только-только начали знакомиться с искусством западного и отечественного авангарда, вглядываясь в выставках в произведения М. Шагала и Ф. Бэкона, С. Даля и А. Лентурова, А. Тышлера и П. Филонова?

Теперь формула «Я этих художников не видел, но должен сказать...» не подойдет. Мы видели (пусть еще далеко не все!), и хочется об этом увиденном поразмыслить, определить плодотворные тенденции, развивающиеся и ныне, ощутить новый ракурс в подходе к человеческой личности, возможно, обнаружить опасности, провалы, рифмы, подстерегающие искусство на сложном его пути. Простое же «закрытие» модернизма и постмодернизма на фоне только что открывшихся нам вершин фантазии, красоты, художественности классиков авангарда представляется (да прости меня уважаемый философ) чисто вроде интеллектуального эпилога.

Однако не кажется мне конструктивной и позиция тотального, если так можно выражаться, приятия всего, что отходит от канонов «строгого» реализма. В этом случае критик отвлекается от проблемы художественного выбора и оценки произведения.

У критиков, поддерживающих современное авангардное искусство, доминирует объясни-

тельный-информационный подход, призванный дать представление профанам и неофитам о «языке» новых художественных течений, снабдить зрителя теми или иными сведениями о художниках и их произведениях. Характерно, что остро «оценочными» выступлением Гульяна в том же номере «Искусства» противостояла искусствоведческая статья Г. Онуфриенко чисто информативного характера, в которой был дан обзор зарубежной печати о выставке «Документ». Борьбы мнений так и не возникло вследствие того, что мнение было высказано лишь одной стороной, другая же предпочла уйти от собственных оценок. И это, видимо, не случайно, а позиция, причем достаточно распространенная.

Разговор о новом художественном «языке» подчас становится чем-то самодостаточным и самоцельным. Проявление уподобляется интеллектуальному же разгадыванию. И вот «ключом» к такой разгадке становится словесный комментарий. Со своеобразной «народной этимологией» подобного способа общения с искусством можно было столкнуться на недавних московских выставках. Там пропадали следимые особенности, отличающей искусство от некультурных (и с этим критиками, я, например, вполне могу согласиться), но удаляют «глобальный» вывод, сделанный автором в конце статьи: «Модернизм вел искусство к самонистреблению, теперь оно свершилось».

Разве я могу понять, при чем тут модернизм в целом и почему все авангардистское искусство XX века должно отвечать за экспериментальную свою характеристику и путь даже неудачную экспозицию одной выставки?

Разве тезис о «самонистребительной» сущности модернизма уже доказан?

Разве все мы не только-только начали знакомиться с искусством западного и отечественного авангарда, вглядываясь в выставках в произведения М. Шагала и Ф. Бэкона, С. Даля и А. Лентурова, А. Тышлера и П. Филонова?

Теперь формула «Я этих художников не видел, но должен сказать...» не подойдет. Мы видели (пусть еще далеко не все!), и хочется об этом увиденном поразмыслить, определить плодотворные тенденции, развивающиеся и ныне, ощутить новый ракурс в подходе к человеческой личности, возможно, обнаружить опасности, провалы, рифмы, подстерегающие искусство на сложном его пути. Простое же «закрытие» модернизма и постмодернизма на фоне только что открывшихся нам вершин фантазии, красоты, художественности классиков авангарда представляется (да прости меня уважаемый философ) чисто вроде интеллектуального эпилога.

Однако не кажется мне конструктивной и позиция тотального, если так можно выражаться, приятия всего, что отходит от канонов «строгого» реализма. В этом случае критик отвлекается от проблемы художественного выбора и оценки произведения.

У критиков, поддерживающих современное авангардное искусство, доминирует объясни-

тельный-информационный подход, призванный дать представление профанам и неофитам о «языке» новых художественных течений, снабдить зрителя теми или иными сведениями о художниках и их произведениях. Характерно, что остро «оценочными» выступлением Гульяна в том же номере «Искусства» противостояла искусствоведческая статья Г. Онуфриенко чисто информативного характера, в которой был дан обзор зарубежной печати о выставке «Документ». Борьбы мнений так и не возникло вследствие того, что мнение было высказано лишь одной стороной, другая же предпочла уйти от собственных оценок. И это, видимо, не случайно, а позиция, причем достаточно распространенная.

Разговор о новом художественном «языке» подчас становится чем-то самодостаточным и самоцельным. Проявление уподобляется интеллектуальному же разгадыванию. И вот «ключом» к такой разгадке становится словесный комментарий. Со своеобразной «народной этимологией» подобного способа общения с искусством можно было столкнуться на недавних московских выставках. Там пропадали следимые особенности, отличающей искусство от некультурных (и с этим критиками, я, например, вполне могу согласиться), но удаляют «глобальный» вывод, сделанный автором в конце статьи: «Модернизм вел искусство к самонистреблению, теперь оно свершилось».

